

ОТДЕЛ РЕЦЕНЗИЙ И ОБЗОРОВ

Рец. на книгу: **Бибихин В. Собственность. Философия своего.** СПб.: Наука, 2012. 536 с.

Владимир Вениаминович Бибихин был одним из немногих в нашей стране, кого действительно можно назвать мыслителем по призванию. Едва ли мы сумеем отыскать среди наших современников кого-то еще, кто был бы столь прочно укоренен в великой европейской интеллектуальной традиции. Едва ли сумеем вспомнить кого-то еще, кто внутри этой традиции был бы удостоен столь высокой степени признания. Не говоря уже о том, что со многими интеллектуалами Европы наших дней он поддерживал и личные дружеские отношения. И в то же время он был глубоко русским мыслителем: Россия, ее трагическая история была судьбой его мышления, неизменным центром притяжения его необычайно широкой эрудиции и глубочайшего интеллекта.

О В. В. Бибихине приходится говорить в прошедшем времени. Но он ни в коей мере не принадлежит ушедшим десятилетиям, ему суждено еще долгие годы делиться с нами богатством своего наследия. В этом смысле для нас он — мыслитель даже не нашего настоящего, а будущего времени, в котором, вероятно, мы только и сможем по достоинству оценить масштаб его гения. Есть верный признак того, что в этой оценке нет преувеличения. Еще А. Шопенгауэр говорил, что если талант может попасть в цель, в какую не может попасть никто, то гений видит цели, которые для остальных пока еще остаются невидимыми. И можно смело предсказать, что в ближайшем будущем мы, по мере появления новых проблем, новых притягательных для русского сознания тем, будем с удивлением обнаруживать, что, оказывается, обо всем этом новым Бибихин давно знал и давно говорил.

В последние десятилетия опубликовано много его книг: трижды изданный «Язык философии» (1993, 2002, 2007), «Узнай себя» (1998), «Новый ренессанс» (1998), «Слово и событие» (2001), «Другое начало» (2003), «Введение в фи-

лософию права» (2005), «Витгенштейн: смена аспекта» (2005), «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев» (2006), «Мир» (2007), «Внутренняя форма слова» (2008), «Грамматика поэзии» (2009), «Ранний Хайдеггер» (2009), «Чтение философии» (2009), «Слово и событие. Писатель и литература» (2010), «Энергия» (2010), «Лес» (2011), «Дневники Льва Толстого» (2012). Дело даже не только в том, что в этом списке будут ежегодно появляться новые названия. Дело в том, что и увидевшие свет труды настолько глубоки и насыщены смыслами, что пока еще наша философская и, шире, гуманитарная *азора* довольно робко, с прощительной долей неуверенности дает им самую первую, весьма приблизительную и неизбежно поверхностную в таком случае оценку.

Представление о фантастической работоспособности этого человека будет более близким к истине, если мы напомним, что Бибихин был еще и переводчиком, сделавшим фактом отечественной культуры огромное количество иноязычных текстов. Поражает их разнообразие: кроме Х. Арендт, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Марселя, Г. Белля и др., он перевёл на русский язык трактаты Николая Кузанского, прозу Петрарки, «Триады» Григория Паламы. Перевод хайдеггеровского «Бытия и времени», сама концепция перевода заслуживают того, чтобы быть объектом аналитической рефлексии. Помимо качеств, совершенно необходимых в профессии переводчика, помимо уникального владения русским языком, Бибихин нередко не останавливался перед самыми радикальными решениями, и некоторые его переводы — образец «дерзновения духовного», образец, возможно, не имеющий себе равных.

В 1989 г. Бибихин начал читать лекции на философском факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Хотя он преподавал и в других московских институтах, именно эти лекции в поточных аудиториях и на 11-м этаже 1-го гуманитарного корпуса обрели наибольшую известность и при-

влекали самое большое число слушателей. Аудитория не ограничивалась философами. Среди внимательно вслушивавшихся в его неизменно тихую, но удивительно твердую речь были филологи, историки, лингвисты, экономисты, юристы, богословы и даже просто любознательные индивидуумы, чьи магнитофонные записи уже позволили восстановить не один лекционный курс, который в ином случае был бы утерян.

Лекции о собственности были прочитаны в 1993 г. и в весенний семестр 1994 г. Экономическая семантика названия обманчива, так как речь в этих лекциях не идет о собственности как владении имуществом. Точнее, и об этом аспекте собственности говорится немало, но в целом собственность рассматривается как модус *своего*. Свое притягивает своей скрытой противоречивостью, которая легко разрывает мнимую простоту понятия собственности как физического и юридического обладания. Первая эманация этой внутренней противоречивости — разделение своего и принадлежащего роду. Для современного положения вещей свое скорее противостоит принадлежащему роду, но в то же время именно родовое хранит в себе самое подлинное, интимное, *родное*, что имеется в своем. Именно из этого противоречия своего и родового выстраивается ни много ни мало, как цельная, собираемая на глазах слушателей в своем принципиальном организационном единстве, глубоко оригинальная философия истории Бибикина.

Революции — и в особенности русские революции, — объясняемые обычно начинающим доминировать в обществе нигилистическим отношением к собственности (особенно к чужой), у Бибикина, наоборот, рождаются из расширения и углубления понимания сущности собственности как проекции новой модальности своего. Здесь автор лекций развивает интуицию С. Франка, писавшего: «Если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в *правду* частной собственности, и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право, не сознавали “священности”, не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, в тайне были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов» [1, с.311]. Революционные ожидания были обусловлены тем, что как собственникам, так и экспроприаторам имеющееся в наличии понятие собственности виделось глубоко ложным и достойным отрицания, вместе с его физическим коррелятом.

Собственность в России либо подарена, либо украдена, и эта ситуация к началу нового

тысячелетия не изменилась. Отказываясь признавать этот факт как реальность, «мы готовим себя к новому повороту, который не может не оказаться таким же крутым, как и те, которые у нас уже были в этом веке» (С. 388). Но это повторение, к несчастью, не сможет стать нищенским «возвращением равного». Дело не только в том, что глухота авторов современной российской приватизации к глубинному значению собственности как модальности *своего* повторяет такую же глухоту большевиков. Приватизация большевиков была ограничена традициями коллективизма, пережитками старой религиозности, новыми идеологическими догмами. Все эти ограничения в настоящий момент отсутствуют. Ключевое слово для нового радикального отбрасывания представлений о собственности (в основе чего, еще раз подчеркнем, лежит новое ощущение сущности *своего*) — это *захват*. Именно сейчас, убеждает нас Бибахин, «более действенными способами продолжается тот захват мира, который в начале века привел к собиранию человеческих сил в коллективный кулак» (С. 374). И не случайный язык, который всегда мудрее любой философии, рождает такую характеристику этого захвата, как *беспредел*. Речь не идет о криминальных коннотациях, возможно, давших первоначальный толчок рождению этой характеристики. Сама словоформа указывает на отсутствие не только нравственных и правовых, но и географических, политических и иных ограничений *захвата*.

В связи с этим особую тревогу вызывает универсализм декларируемых целей новой приватизации. «Россия должна войти в мировое общество, занять свое место в мире, подняться до мирового уровня как в вооружениях, так и в экономике, банковском деле. Даже малые предприятия не ставят себе более важной задачи, чем выход к мировым стандартам по технологии, коммуникациям. Наука ориентируется на мировые образцы. Повсюду возникли кафедры мировой культуры... Непременным окажется то, что цель — целое, мир... Захват мира — не временное помрачение людей, забывших стыд, приличия и собственные устойчивые интересы... На крутом повороте, на разломе Россия отчетливо показала суть всегдашних отношений человека с миром» (С. 374).

Можно только надеяться, что призрак грядущего экспансионизма останется всего лишь призраком и мрачные предвидения Бибикина не сбудутся. Рыхлость, развращенность политической элиты вроде бы гарантирует, что появление «железного канцлера» маловероятно. Но и слабость правителя-тирана не должна обманывать. Напомним, что Бибахин является автором весьма своеобразной концепции личности Петра I

как инициатора первого проекта модернизации России [2]. «Срыв» этой первой модернизации как раз и был обусловлен роковой слабостью личности императора, безуспешно пытавшегося обуздать непонятные ему общественные процессы и не останавливавшегося поэтому перед самым жестоким и немотивированным насилием.

Оставим эти аналогии и обратимся к вопросу, который неизбежно возникнет у читателя лекций: если их автор так заворочен темой *своего*, то почему бы не начать ее рассмотрение со *своего* *своего*? Например, к своему профессиональному амплу, казалось бы, роднившему его с отрядом советских гуманитариев (не только не вымершим в постсоветское время, но и не уступившим ни пяди земли в ареале своего обитания), Бибихин хоть и обращается в лекциях, но делает это всегда мимоходом и словно нехотя. Впрочем, следующую убийственную характеристику этого модуса *своего* стоит привести целиком: «Марксистов во всем мире, и не только полуконформистов как Ильенков, Батищев, Трубников, манило объявить с пикантной остротой, что под вполне официальным именем Маркс, казенным, таится “молодой Маркс”, т. е. Гегель. Это последнее в свою очередь “таилось”, но “молодого Маркса” в марксистской стране вроде бы обязаны были знать, и этим рычагом марксисты-обновители хотели повернуть страну, казалось бы, послушно припавшую к Марксу, подключенную к нему через миллионные издания, через обязательные семинары “политического просвещения” и “методологии”, через общеобразовательные школы. Мечталось, что если теперь через те же каналы дать “раннего Маркса”, то страна снова сможет дышать мыслью, а не задыхаться в догме. Марксисты-обновители не заметили по нехватке трезвости, которой можно было научиться только у Гегеля, но не у Маркса, хотя бы и молодого, что власть очень рано охладела ко всякому Марксу. Реформисты марксизма наделялись наивность власти, на ее зависимость от идеологии,

а власть давно уже произносила “Маркс” и думала о чем-то своем. Из-за этого система питания народа Марксом прохудилась и долго работала вхолостую, так что замысел новаторов как Давыдов, Гайденко, Мотрошилова вспрыснуть в народ через Маркса по официальным каналам молодого Маркса, а через него пожалуй даже немного и Гегеля, не мог иметь никакого успеха. В чем был промах этого замысла? В неспособности понять, что мысль или безусловно чиста, или ее нет» (С. 135–136). Может быть, здесь причина того, что Бибихин не создал школы в привычном понимании этого слова и не оставил после себя учеников. Этот модус *своего* пока отсутствует в реальности. Школа, как говорил Бибихин, должна учить не организации питания народа различными идеями, а дисциплине мысли, терпению, вниманию, взглядыванию. Готовы ли мы пойти в этой школе в самый первый класс?

Литература

1. Франк С. Л. Социализм и собственности // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с.

2. Бибихин В. В. Закон русской истории // Бибихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 8–69.

Владимир Юрьевич Быстров,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет; e-mail: vuyb83@yandex.ru

Владимир Михайлович Камнев,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет; e-mail: kamnev4@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2013 г.